

ПОВТОРНОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЗАХОРОНЕНИЯ НЕТАЙЛОВСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

В. С. Аксёнов

Аксёнов В. С. Повторне проникнення до поховань Нетайлівського ґрунтового могильника салтівської культури – міф чи реальність?

Дослідження болгарських некрополів салтівської культури басейну Сіверського Донця показали присутність на них поховань з навмисне зруйнованими у давнину кістяками людей внаслідок повторного до них проникнення. У статті розглядаються риси, які безумовно вказують на факт повторного розкопування могил Нетайлівського ґрунтового могильника (р. Сіверський Донець, Вовчанський район Харківської області). Матеріали поховань дозволяють зробити наступні висновки: кількість поховань зі слідами повторного до них проникнення на некрополі значна (з 77 досліджених поховань у 2006–2010 рр. ті чи інші сліди проникнення достеменно відмічені в 14 похованнях); навмисне проникнення здійснювалось до поховань, що належали як чоловікам, так і жінкам і дітям; процес проникнення до поховання характеризується навмисною руйнацією кістяків похованих людей, при цьому частина кісток, можливо, вилучалася з могильної ями, а череп людини без нижньої щелепи опинявся у верхніх шарах заповнення повторного укопу. Проте, мету проникнення до поховань (знешкодження, пљондрування, пограбування), насьогодні, однозначно визначити неможливо.

Ключові слова: поховання, салтівська культура, навмисне проникнення.

Аксёнов В. С. Повторное проникновение в захоронения Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры – миф или реальность?

Исследования болгарских могильников салтовской культуры бассейна Северского Донца показали присутствие на них захоронений с преднамеренным разрушением скелетов погребенных людей в результате повторного в них проникновения. В данной статье рассматриваются признаки, которые однозначно указывают на факт повторного вскрытия могил Нетайловского грунтового могильника (р. Северский Донец, Волчанский район Харьковской области). Материалы захоронений позволяют сделать следующие выводы: количество погребений со следами повторного в них проникновения на могильнике достаточно велико (из 77 исследованных в 2006–2010 гг. погребений, те или иные следы проникновения достоверно отмечены в 14 захоронениях); преднамеренное проникновение осуществлялось в захоронения, принадлежавшие как мужчинам, так и женщинам и детям; процесс проникновения в захоронения характеризуется преднамеренным разрушением костяков погребенных людей, при этом часть костей, возможно, изымалась из могильной ямы, а череп человека без нижней челюсти оказывался в верхних слоях заполнения повторного вкопа. Тем не менее, однозначно определить цель проникновения в захоронения (обезвреживание, осквернение, ограбление) на данный момент не представляется возможным.

Ключевые слова: погребение, салтовская культура, преднамеренное проникновение.

Aksyonov V. S. Re-penetration at sepultures of the Netajlivka burial ground of the saltiv culture – myth or reality?

Research of the pre-bulgarian burial grounds of the saltiv culture Siversky Donets Basin showed the presence sepultures with skeletons destructed as a result of the re-penetration. This article describes the signs indicated fact of the digging out the graves of the Netajlivka burial ground (Siversky Donets river, Vovchanskiy district of the Kharkiv region).

Materials of the burials permit the following conclusions: 1) the number of graves with traces of the re-penetration to the burials is large enough. Among the 77 tombs studied during 2006-2010 signs of re-penetration veraciously were recorded in the 14 burials; 2) deliberate penetration was carried out in the burials belonged to men and women, and children; 3) one of penetrations' features was intentional destruction of the skeletons of buried people. At the same time some bones were removed from the burial pit, and the human skull without the lower jaw was moved in the upper layers of repeated delves filling. However, at this moment the aim of the penetrating the burial (neutralization, desecration or plunder) can not be clearly determined.

Keywords: sepulture, saltiv culture, intentional penetration.

Работы на болгарских могильниках салтовской культуры бассейна Северского Донца показали присутствие на них захоронений с преднамеренным разрушением скелетов погребенных людей в результате повторного в них проникновения. Преднамеренное разрушение погребенных людей, по мнению В. С. Флерова, было совершено в древности спустя непродолжительное время после совершения захоронения и носило ритуальный характер¹. В числе салтовских грунтовых некрополей, на которых данный обряд был зафиксирован, оказался и Нетайловский могильник, расположенный у с. Металловка Волчанского района (Харьковская обл.). Новые исследования данного могильника, проводимые совместной экспедицией Харьковского исторического музея и Харьковской государственной академией культуры под руководством автора статьи, позволили получить новые материалы по столь интересной стороне погребального обряда болгарского компонента салтовской культуры бассейна Северского Донца. В связи с тем, что столь специфические ритуальные действия, как повторное проникновение в могилу с целью разрушения костяка погребенного человека, особенно важны, ибо древнеболгарские захоронения салтовского населения Подонья достаточно единообразны и относительно бедны погребальным инвентарем². Поэтому любые новые данные, проливающие свет на эту проблему, не могут не вызвать интереса. Настоящая статья посвящена захоронениям со следами повторного проникновения в могильную яму, открытыми на Нетайловском могильнике салтовской культуры в 2006–2010 гг.

Нетайловский могильник сразу же после его открытия и исследования в 1959–1961 гг. экспедицией под руководством Д. Т. Березовца привлек внимание широкого круга ученых. Причиной тому были специфические особенности погребального обряда, зафиксированные в ходе исследования захоронений могильника. Из 120 погребений салтовского времени только в 32 были обнаружены человеческие костяки в относительно анатомическом порядке; в 38 могильных ямах человеческих костей не было вообще; в остальных 50 захоронениях человеческие кости находились в самых разнообразных положениях³. Все это привело первооткрывателя могильника к предположению, что погребения совершались несколькими способами: 1) в открытой яме, засыпанной после скелетизации трупа; 2) в слегка присыпанной яме; 3) путем раскладывания в яме остатков уже разложившегося на открытой поверхности земли тела – „вторичное захоронение“. В последнем случае человеческие кости иногда размещались в необходимом порядке, но чаще просто разбрасывались по дну ямы⁴. И О. В. Иченская, и Д. Т. Березовец считали, что преднамеренные нарушения могил на могильнике (осквернение, ограбление) не практиковались⁵.

Материалы исследования могильника в 1991–2010 гг. экспедициями под руководством А. В. Крыганова, В. К. Михеева, А. В. Комара, В. С. Аксёнова не только дополнили наши знания о погребальном обряде могильника⁶, но и вызвали появление новых гипотез. Так, А. В. Крыганов и Н. В. Чернигова предположили, что большинство погребений могильника (группа захоронений без человеческих костяков, с разрушенными костяками) были ограблены, возможно, печенегами в конце IX в.⁷ О. Ю. Жиронкина и Ю. И. Цитковская, работавшие долгое время с А. В. Крыгановым, решительно заявили об отсутствии повторного проникновения в погребения могильника⁸. Однако, исследовательницы отметили присутствие позднейших преднамеренных вкопов в могильные ямы двух захоронений (№ 198, 201), что, по их мнению, свидетельствует о возможном повторном проникновении⁹. При этом, повторное проникновение в данные захоронения, по их мнению, носило ритуальный, а не грабительский характер¹⁰. Позднее, дискутируя с идеями В. С. Флерова о существовании у нетайловцев „обряда обезвреживания покойников“, О. Ю. Жиронкина и Ю. И. Цитковская по материалам раскопок могильника 1991–1996 гг. сделали заключение, что погребальный обряд нетайловцев предполагал помещение в могильные ямы уже очищенных от мягких тканей под воздействием естественных природных факторов человеческих костей, что находит соответствие, по их мнению, в зороастрийском обряде погребения¹¹.

Данная гипотеза уже подвергалась моей критике¹². Основываясь на собственных наблюдениях при работах на могильнике в 1993 г., считаю гипотезу тождественности погребального обряда нетайловцев зороастрийскому погребальному обряду умозрительной, требующей предоставления серьезных доказательств в ее пользу. По моему мнению, в указанной работе О. Ю. Жиронкиной и Ю. И. Цитковской не были показаны конкретные захоронения, в которых обряд „выкладывания“ был бы представлен наиболее ярко. Отсутствие костных останков людей в могильных ямах нетайловских захоронений я склонен связывать с гидрологической ситуацией, сложившейся в зоне расположения могильника¹³. В целом же, погребальный обряд Нетайловского могильника, по моему мнению, вполне соответствует языческому погребальному обряду праболгарского населения салтово-маяцкой культуры. В той же своей работе я счел возможным предположить присутствие у населения, оставившего Нетайловский некрополь, обряда обезвреживания покойника, одним из явных свидетельств которого являются следы повторного проникновения в могильную яму¹⁴.

Следы повторного проникновения в могильные ямы захоронений Нетайловского могильника в виде позднейших вкопов (погр. № 416, 430) были зафиксированы А. В. Комаром, исследовавшим на некрополе 7 погребений в 2004 г. В двух погребениях (№ 415, 417), как отмечает исследователь, скелеты погребенных людей были преднамеренно разрушены с проведением каких-то ритуальных действий, после вскрытия могильной ямы по всей ее площади. Исходя из анализа материалов своих исследований и работ других археологов, изучавших Нетайловский могильник, А. В. Комар высказал гипотезу, что масштабное вскрытие погребений могильника с последующим разрушением скелетов и ритуальными действиями с использованием огня могло быть разовым экстраординарным событием, а не обязательной частью погребальных обрядов, совершаемых родственниками¹⁵.

Исследования последних лет (2006–2010 гг.), проводимые экспедицией под руководством автора статьи, позволяют прояснить данную проблему. В их ходе нам удалось зафиксировать несколько признаков, однозначно указывающих на факт повторного вскрытия могильных ям, совершенных в древности. К наиболее явным признакам относятся: 1) наличие следов повторных вкопов в могильные ямы; 2) наличие преднамеренно разрушенных костяков погребенных людей. В ряде случаев удалось проследить ходы повторного проникновения в захоронения, которые по своим размерам были меньше размеров самих могильных ям. Ниже мы приводим описание погребальных комплексов.

Погребение № 481. На уровне фиксации ($-0,75$ м) пятно могильной ямы имело форму вытянутого овала, западный край которого имел прямоугольные очертания (рис. 1: 1). Могильное пятно было ориентировано своей длинной осью по линии северо-восток – юго-запад (азимут 55°). Размеры пятна на уровне фиксации: длина – $2,22$ м, ширина максимальная – $1,14$ м, ширина западного подпрямоугольного края могильного пятна – $0,73$ м. В восточной части могильного пятна располагался ход повторного проникновения в захоронение, который в плане имел овальную форму и перекрыл собой пятно могильной ямы, имеющей первоначально, по-видимому, в плане форму вытянутого прямоугольника. Размеры входа повторного проникновения в могилу на уровне фиксации – $2,03 \times 1,14$ м. Заполнение хода проникновения в захоронение было по цвету темно-серым, местами черным, золистым, вязким. Заполнение западной, не потревоженной этим ходом, части могильного пятна по цвету было светло-серым, однородным. Заполнение этой части могильной ямы состояло из однородной светло-серой супеси, которая в виде своеобразного останца фиксировалась у западной части могильной ямы до самого ее дна. Незначительный по объему останец первоначального заполнения был зафиксирован у дна, возле восточной торцевой стенки ямы (рис. 1: 2). Стенки могильной ямы наклонные, из-за чего размеры могильной ямы по дну меньше размеров ямы по уровню зачистки. Дно могильной ямы было зафиксировано на глубине $-1,45$ м от уровня современной поверхности почвы. Дно могильной ямы имело в плане форму вытянутой трапеции с закругленными углами размером $2,1 \times 0,97$ м (восточный край) – $0,67$ м (западный край) (рис. 1: 3). Длинные стороны могильной ямы выше уровня дна были частично повреждены входом повторного проникновения в данное захоронение. Какие-либо костные находки и вещи на дне могильной ямы обнаружены не были.

Погребение № 506. На уровне фиксации ($-1,0$ м) пятно могильной ямы имело „бутылковидную“ в плане форму (рис. 1: 4). Это было обусловлено тем, что могильное пятно как бы состояло из двух частей. Восточная часть могильного пятна имела в плане форму прямоугольника размером $0,89 \times 0,66-0,75$ м и была ориентирована длинными сторонами вдоль линии восток – запад (азимут 90°). Западная часть могильного пятна имела форму овала размером $1,96 \times 1,15$ м, ориентированного длинной осью по линии восток – запад с незначительным отклонением к югу (азимут 100°). Заполнение восточной части могильной ямы состояло из светло-желтой супеси с большой примесью светло-желтого материкового песка, из-за чего заполнение этой части могильной ямы почти не отличалось по цвету от окружающего материка. Заполнение в этой части ямы до самого дна было однородным. У дна ямы оно по цвету почти не отличалось от материка. Заполнение же западной части могильного пятна состояло из темно-серой супеси с незначительной примесью светло-серой супеси, поэтому по цвету было более темным, относительно и окружающего материка, и заполнения восточной части могильной ямы. Заполнение западной части могильной ямы в профиле было слоистым. Слои темно-серой супеси перемежались более тонкими слоями почти черного цвета и прослойками грязно-серого материкового песка. Разница в заполнении восточной и западной частей могильной ямы однозначно указывает, что западная часть могилы спустя некоторое время после совершения захоронения подверглась преднамеренному вскрытию (рис. 1: 5). Только этим можно объяснить разный цвет, состав заполнения и несовпадение длинных осей двух противоположных частей одной могильной ямы. Дно ямы фиксировалось на глубине $-2,15$ м. В плане оно повторяло форму пятна могильной ямы на уровне его фиксации (рис. 1: 6). Стенки могильной ямы наклонные. Размеры могильной ямы по дну составляли $2,65 \times 0,5$ м (восточный край) – $0,95$ м (западный край). На дне могильной ямы останки человека, как и погребальный инвентарь, отсутствовали.

Следы повторных вкопов, превышающие, по-видимому, первоначальные размеры пятна могильной ямы были зафиксированы в целом ряде захоронений. При этом, на дне могильных ям данных захоронений были зафиксированы отдельные кости человеческого скелета.

Погребение № 435. На уровне зачистки (–1,0 м) пятно могильной ямы имело форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами размером 3,0 × 1,36 м (азимут 84°). Заполнение могильной ямы состояло из супеси пепельно-серого цвета с вкраплениями мелких древесных угольков. В заполнении могильной ямы, в восточной ее части, на расстоянии 0,4 м от торцевой стенки и на глубине –2,05 м от уровня современной поверхности почвы, был обнаружен железный складной серп, железная фибула-кресало, два кремня, бронзовая литая поясная бляшка сердцевидной формы (рис. 2: 1а, 2а). Дно могильной ямы было зафиксировано на глубине –2,7 м от уровня современной поверхности почвы. Восточная часть могильной ямы была отведена под захоронение человека; в западной располагался скелет коня (рис. 2: 1). Костяк человека был представлен только плохо сохранившимся черепом, лежавшим вплотную к северной стенке ямы, в 0,2 м от восточной торцевой стенки. Западнее черепа, ближе к центру могильной ямы, были обнаружены плохо сохранившиеся трубчатые кости, вероятно, рук погребенного человека. За черепом человека стоял салтовский столовый кувшин с носиком-сливом. Возле трубчатых костей были обнаружены железные черешковые ножи, собранные в пакет, бронзовая поясная пряжка и бронзовый литой наконечник пояса.

Погребение № 460. На уровне зачистки (–0,6 м) пятно ямы имело форму вытянутого прямоугольника с сильно закругленными углами, ориентированного длинной осью по линии восток – запад с незначительным сезонным отклонением к югу (азимут 100°). Размером пятна могильной ямы на уровне зачистки составляли 2,7 × 1,2 м. Заполнение могильной ямы состояло из темно-серой супеси с вкраплением мелких древесных угольков, из-за чего пятно могильной ямы хорошо выделялось на фоне материкового песка буро-рыжего цвета. В заполнении могильной ямы (с глубины –0,2 до –2,0 м от уровня современной поверхности) были найдены многочисленные фрагменты крупного глиняного сосуда срубной археологической культуры. Еще один сосуд баночной формы срубной археологической культуры был обнаружен в заполнении могильной ямы на глубине –0,85 м от уровня современной поверхности (рис. 3: 1а, 2а). Сосуд располагался устьем вверх на расстоянии 0,32 м от северной стенки ямы и в 0,85 м от западной торцевой стенки ямы. Дно могильной ямы ровное, находилось на глубине –2,4 м. На дне могильной ямы, у ее восточной стенки, было обнаружено небольшое скопление плохо сохранившихся костей, состоящее из сваленных вперемешку ребер, длинных костей одной из рук (лучевой и локтевой) (рис. 3: 1). Здесь же находилась нижняя челюсть человека. Верхнее положение в этом скоплении занимал череп человека плохой сохранности, который был представлен фрагментами и костным тленом. В 0,1 м западнее этого скопления костей располагались несколько человеческих ребер, а в 0,05–0,07 м западнее, перпендикулярно длинной оси ямы, лежали локтевая и лучевая кости одной из рук, очень плохой сохранности. В западном краю ямы, на расстоянии 0,27 м от торцевой стенки, были расчищены трубчатые кости (малые и большие берцовые) обеих ног, лежавшие параллельно друг другу (на расстоянии 0,12 м друг от друга). По расположению костей можно предположить, что тело было уложено в вытянутом положении на спине, головой на восток, ноги прямые. Размещение костей скоплением у восточного торца могильной ямы указывает, что в древности в могильную яму было осуществлено преднамеренное проникновение, в результате которого грудная клетка оказалась разрушенной, а ребра, череп и кости рук оказались сваленными в кучу в головном краю могильной ямы. Среди груды костей, расположенной у восточной стенки ямы, была найдена сильно разрушенная бронзовая пластинчатая фибула с расширяющейся книзу ножкой. Здесь же были найдены 6 стеклянных бусин, одна сердоликовая, одна янтарная бусина и одна бусина из розового коралла с прикипевшим к ней маленьким бронзовым колечком. В западном краю ямы были расчищены три стеклянные бусины и арабская монета, превращенная в древности в подвеску (пробито одно отверстие).

Погребение № 474. На уровне фиксации (–1,2 м) пятно могильной ямы имело форму овала размером 2,87 × 1,3–1,5 м (азимут 100°). Заполнение могильной ямы на уровне ее

фиксации было неоднородным, мешанным. Оно представляло собой пятнистую структуру, состоящую из линз черного, „жирного“ грунта, прослоек светло-желтого материкового песка с незначительными вкраплениями светло-серой супеси и линз темно-серой супеси, перемешанной со значительным количеством материкового песка. Заполнение по всей глубине ямы было вязким и влажным. Структура, цвет и плотность заполнения позволяет предположить, что в древности в погребение было осуществлено преднамеренное проникновение. В заполнении могильной ямы на глубине –1,55 м был обнаружен раздавленный салтовский горшочек с петлевидной ручкой, лежавший на боку и обращенный устьем в восточный край могилы (рис. 3: 3б, 4б), а на глубине –2,32 м были зафиксированы фрагменты черепной крышки черепа человека (рис. 3: 3в, 4в), вероятно, извлеченного из захоронения во время повторного проникновения в могилу, совершенного в древности. Дно могильной ямы фиксировалось на глубине –2,8 м. На дне могильной ямы были обнаружены разрозненные отдельные кости человеческого скелета (фрагменты человеческого черепа, зубы, трубчатая кость, три неопределенные кости человеческого скелета плохой сохранности) (рис. 3: 3) и погребальный инвентарь, представленный кубышкой плохой сохранности, свинцовым пряслицем, стеклянными и сердоликовыми бусами, фрагментами пружинного механизма фибулы.

Погребение № 482. Пятно могильной ямы было зафиксировано на глубине –0,7 м от уровня современной поверхности почвы благодаря своему темно-серому по цвету заполнению, хорошо выделяющемуся на фоне светло-желтого материкового песка. На уровне фиксации (–0,7 м) пятно могильной ямы имело форму вытянутого прямоугольника с сильно закругленными углами (азимут 60°). Размеры пятна на уровне фиксации: длина – 4,0 м, ширина – 2,3 м. На уровне фиксации заполнение могильной ямы имело темно-серый цвет, местами приобретающий светло-серый оттенок с пятнами светло-желтого материкового песка. При этом, в восточной части пятна могильной ямы цвет заполнения был золистым и более пятнистым, тогда как цвет заполнения в западной части пятна был более однородным – светло-серого цвета с незначительными вкраплениями светло-желтого материкового песка. Такая ситуация свидетельствует, что в восточную часть могилы в древности было осуществлено преднамеренное проникновение (рис. 4: 3, 4), доказательством чему служат следующие находки из заполнения этой части могильной ямы. Так, на глубине –0,6 м от уровня современной поверхности почвы, у южного края могильной ямы был обнаружен череп человека без нижней челюсти (рис. 4: 3в, 4в), покоившийся на правой височной кости и обращенный лицевыми костями к западному краю могильной ямы; на глубине –0,7 м от уровня современной почвы в 0,25 м от северного края ямы был найден целый крупный, лежавший на боку, салтовский кувшин (рис. 4: 3б, 4б), в 0,45 м к югу от которого, поперек могильного пятна, лежал железный черешковый нож. Данные артефакты, по-видимому, были извлечены из могильной ямы в ходе повторного в нее проникновения, совершенного в древности, и брошенные в ее заполнении. Кроме этого, в заполнении этой части могильной ямы на разных уровнях встречались отдельные мелкие древесные угольки и фрагменты (12 экз.) салтовских столовых сосудов (6 фрагментов столового кувшина серого цвета, 6 фрагментов столового сосуда черного цвета). Восточная часть могильной ямы была отведена под захоронение человека, в западной ее части располагалось погребение коня (рис. 4: 3). Пол могильной ямы человеческого захоронения фиксировался на глубине –2,65 м. На дне в восточной части ямы человеческие останки отсутствовали, но в заполнении этой части ямы, на глубине –2,5–2,55 м на расстоянии 0,9 м от восточной торцевой стенки, вдоль южной боковой стенки, лежала бедренная кость ноги человека плохой сохранности (рис. 4: 3г, 4г). Под костью был зафиксирован железный черешковый нож, половинка бронзового разделителя на пояс, обломок сабли, железные оковки ножен сабли, фрагмент железного кольца, фрагменты двух рамчатых пряжек, обломок пера листовидного наконечника копья. Под ними удалось проследить пятно темно-коричневого древесного тлена.

Под пятном древесного тлена, на самом дне могильной ямы, лежала вторая половинка бронзового разделителя на пояс.

Погребение № 492. На уровне фиксации (–1,1 м) пятно могильной ямы имело в плане оvoidную форму с наибольшим расширением в западном конце (азимут 60°). Размеры могильного пятна составляли: длина – 3,75 м; ширина в восточном конце – 1,8 м; максимальная ширина в западном крае – 2,4 м. На уровне 1,1 м заполнение пятна могильной ямы достаточно хорошо выделялось своим темным цветом на фоне светло-желтого материкового песка. При этом, заполнение юго-западной и западной частей могильного пятна было более светлым и почти не отличалось по цвету от окружающего материка. Это заполнение состояло из светло-желтого материкового песка, перемешанного с незначительным количеством светло-серой супеси. Заполнение восточной части ямы имело более насыщенный темный цвет. В данной части, в заполнении ямы преобладала темно-серая супесь с незначительной примесью светлого материкового песка. Это темно-серое заполнение в площади зафиксированного могильного пятна имело форму, близкую к овалу, с размерами 3,0 × 1,7–2,0 м. Ориентировано это темное пятно заполнения было так же, как и само пятно могильной ямы. Заполнение этой, восточной части могильного пятна, было слоистым, состоящим из чередующихся между собой слоев темно-серой и светло-серой супеси с примесью большего или меньшего количества светлого материкового песка (рис. 4: 2). В профиле прослеживался прогиб слоев заполнения в сторону могильного дна. Удалось проследить и наклон слоев в сторону северо-восточной торцевой стенки могильной ямы. В данных слоях встречались на разной глубине отдельные мелкие древесные угольки, фрагменты салтовских сосудов. Само заполнение восточной темной части могильной ямы было вязким. На глубине –1,4 м в 0,8 м от северной стенки ямы была обнаружена придонная часть крупного салтовского столового кувшина, покоившегося на дне (рис. 4: 1а, 2а). Заполнение западной части могильной ямы было однородным – светло-серая супесь, перемешанная с незначительным количеством светлого материкового песка – до самого дна могильной ямы. Какие-либо находки в заполнении этой части могильной ямы отсутствовали. Восточная часть могильной ямы была отведена под захоронение человека, в западной части ямы лежал костяк коня (рис. 4: 1). Дно могильной ямы под захоронение человека находилось на глубине –2,7 м. Здесь были зафиксированы остатки деревянного гроба-рамы. Дно гроба-рамы было выстлано какой-то органической подстилкой, вероятно, древесной корой, от которой остался темно-коричневый тлен. Свободное пространство между стенками гроба-рамы и стенками углубления под захоронение человека было заполнено, на высоту гроба, светло-желтым материковым песком с незначительной примесью светло-серой супеси. Расчистка захоронения человека показала, что в древности человеческий костяк подвергся преднамеренному разрушению. На момент исследования кости человека – отдельные ребра, черепная крышка, обе бедренные кости ног – образовывали скопление у восточной торцевой стенки ямы за пределами гроба-рамы. К северу от этого скопления костей, за пределами гроба, но на высоте его верхнего края, стоял салтовский столовый кувшин. Берцовые кости правой ноги погребенного мужчины располагались *in situ* на расстоянии 0,12 м от северной стенки гроба-рамы, параллельно ей. Сохранность найденных костей человека плохая. Остальные кости человеческого скелета отсутствовали. На дне гроба-рамы был обнаружен железный наконечник копья бронебойного типа, железный черешковый нож с остатками деревянных ножен на лезвии, два наконечника стрел, четыре поясные бляшки и литой наконечник пояса. Вдоль северной боковой стенки гроба была прослежена полоса древесного тлена с включениями железа – остатки клинкового оружия (сабли или палаша) в деревянных ножнах.

Погребение № 498 было произведено в могильной яме, размеры которой по уровню зачистки составляли 2,8 × 1,18 м. В верхней части могильная яма имела в плане овальную форму (рис. 5: 1). Заполнение могильной ямы в верхней части состояло из темно-серой супеси, почти без примеси материкового песка, с вкраплениями мелких древесных уголков и отдельных фрагментов салтовских сосудов. С глубиной цвет заполнения могиль-

ной ямы не менялся. Однако удалось проследить, что у северо-восточной и юго-западной торцевых стенок могильной ямы имеются останцы первоначального заполнения клиновидной формы, состоявшие из светло-серой супеси, перемешанной со светлым материковым песком (рис. 5: 2, 3). Характерно, что количество материкового песка при приближении ко дну ямы, в этих останцах, увеличивалось. Поэтому цвет первоначального заполнения у северо-восточной и юго-западной торцевых стенок могильной ямы изменялся с глубиной от насыщенного светло-серого вверху ямы до грязно-светло-желтого у ее дна.

Такая структура заполнения могильной ямы позволяет утверждать, что в древности данное захоронение вскрывалось. Предположительно, первоначально могильная яма, по-видимому, имела в плане форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами, но в процессе преднамеренного вскрытия могилы, были разрушены первоначальные боковые стенки ямы, а само пятно могильной ямы в плане приобрело форму, близкую к овалу (рис. 5: 1). Косвенно это подтверждается состоянием боковых стенок могильной ямы, которые имеют разную степень покатости. Дно могильной ямы располагалось на глубине –2,1 м. На дне могильной ямы были зафиксированы остатки деревянного гроба-рамы. Дном гроба служила какая-то органическая подстилка, сохранившаяся местами на дне ямы в виде пятен светло-коричневого цвета. На дне гроба полный костяк погребенного человека отсутствовал. Человеческие останки были представлены разнесенными в пространстве двумя скоплениями костного тлена с зубами (череп и нижняя челюсть) и двумя длинными трубчатыми костями (кости ног), лежавшими одна на другой под углом в 80°. Сохранность костей плохая. Одно скопление человеческих останков, состоящее из костного тлена и человеческих зубов, располагалось на расстоянии 0,34–0,38 м от северо-восточной торцевой стенки ямы. Второе скопление (костный тлен, зубы человека) находилась в 0,6 м к юго-западу от первого. Лежавшие углом длинные трубчатые кости человека находились почти по центру гроба-рамы. На дне могильной ямы был обнаружен следующий погребальный инвентарь: янтарная (?) вставка в перстень, россыпь бус (9 экз.), штампованный бубенчик из металла белого цвета, маленькое серебряное проволочное колечко, ажурная бляшка-накладка прямоугольной формы, лежавшая внутренней стороной вверх.

Таким образом, рассмотренные захоронения показывают, что для погребений с повторным проникновением в могильные ямы характерно присутствие в заполнении ходов повторного проникновения целых сосудов или их развалов, отдельных вещей, костей человека (чаще черепов). Довольно часто в ямах с повторным проникновением, у ее стенок удается проследить останцы, состоящие из грунта, первоначально заполнявшего могильные ямы. После проникновения в могильную яму и совершения там определенных действий, яма не оставалась открытой, а засыпалась. При ее повторной засыпке, в верхних слоях заполнения и оказывались вышеуказанные артефакты. Сосуды, извлеченные из могил, могли преднамеренно разбиваться. Часть фрагментов этих сосудов попадала в повторное заполнение могильных ям, часть – оставалась на поверхности рядом с могилой и со временем могла оказаться в заполнении рядом совершенного захоронения. Присутствие во многих исследованных захоронениях могильника отдельных мелких фрагментов столовых и кухонных салтовских сосудов в верхних слоях заполнения могильных ям отмечено всеми учеными, работавшими на данном некрополе. На то, что сосуды или их части были преднамеренно оставлены в верхних слоях заполнения хода повторного проникновения в могильную яму, свидетельствует сосуд срубной культуры, установленный устьем вверх в заполнении могильной ямы **погребения № 460** (рис. 3: 1а, 2а). Данный сосуд, по-видимому, был случайно найден нетайловцами при рытье очередной могильной ямы и преднамеренно помещен в заполнение указанного погребения. На такую возможность указывает присутствие среди открытых в 1959–1961 гг. на могильнике погребений салтовского времени двух погребений (№ 26, 100), датируемых эпохой бронзы¹⁶. Еще один сосуд срубной культуры баночной формы был обнаружен в 2003 г. экспедицией В. К. Михеева на глубине –0,8 м в 1,5 м от погребения № 368.

Сосуды (целые и разбитые) или их крупные фрагменты, преднамеренно оставленные в заполнении повторного вкопа в могильную яму, были отмечены еще в нескольких захоронениях. Так, в **погребении № 438** на глубине –1,8 м в заполнении могильной ямы, в ее западном краю, был зафиксирован салтовский двуручный горшок-ваза, рядом с которым находился череп человека без нижней челюсти (рис. 2: 3в, 4в). По-видимому, череп был извлечен из захоронения в процессе повторного вскрытия погребения, так как на дне могильной ямы (–3,15 м) данного погребения кости человека зафиксированы не были (рис. 2: 3). Интересно, что в восточной части могильной ямы, над южной боковой стенкой гроба на глубине –2,45 м был установлен целый салтовский столовый кувшин (рис. 2: 3б, 4б). Нижняя часть столового кувшина, лежавшая дном вверх, была найдена в заполнении могильной ямы **погребения № 439** на 1,0 м выше дна захоронения. Человеческие остатки и погребальный инвентарь в данном захоронении обнаружены не были. Придонные части двух столовых кувшинов были обнаружены в заполнении могильной ямы **погребения № 444**. Часть одного кувшина залегала на глубине –2,45 м у северной стенки могильной ямы, придонная часть второго сосуда лежала на глубине –3,0 м у южной боковой стенки. На дне могильной ямы (–3,45 м) внутри гроба-рамы кости человека отсутствовали. Погребальный инвентарь (стрема, металлические детали седла) был частично выброшен за пределы гроба. Другая часть инвентаря (бляшки от ремней конской сбруи) остались лежать на деревянном перекрытии гроба в его ножном конце. В **погребении № 500** кухонный горшок с поврежденным в древности венчиком был обнаружен лежащим на боку у северной стенки могильной ямы на глубине –0,98 м в заполнении повторного вкопа в могильную яму (рис. 6: 2а, 3а). В данном погребении интересно то, что вход повторного проникновения находился в восточной части могильной ямы, где предполагалось нахождение захоронения человека, и не затрагивало западный край могильной ямы, где располагался костяк коня (рис. 6: 1, 4). Проникшие в могилу люди, таким образом, хорошо знали устройство погребального сооружения, и их не интересовал костяк коня, уложенный в ногах погребенного человека вместе с предметами конского снаряжения (рис. 6: 2). Преднамеренно разбитый столовый кувшин был обнаружен в заполнении западной части могильной ямы **погребения № 504** на глубине –1,06–1,18 м (рис. 5: 4а, 5а). На дне могильной ямы (–1,32 м) кости человека отсутствовали, а погребальный инвентарь был представлен немногочисленными стеклянными бусами и бронзовым перстнем со стеклянной вставкой. Бусы располагались в районе погребенной головы, перстень – в районе кисти правой руки.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1) на Нетайловском грунтовом могильнике известны погребения, в которые было совершено преднамеренное проникновение спустя какое-то непродолжительное время после совершения захоронения;

2) количество погребений со следами повторного в них проникновения достаточно велико (из 77 исследованных погребений экспедицией Харьковского исторического музея в 2006–2010 гг. те или иные следы проникновения достоверно отмечены в 14 захоронениях или 18,2 %);

3) проникновение осуществлялось в захоронения, принадлежавшие как мужчинам и женщинам, так и детям;

4) процесс проникновения в захоронения характеризуется, судя по погребениям с лучшей сохранностью костных останков, преднамеренным разрушением костяков погребенных людей, при этом часть костей, возможно, изымалась из могильной ямы, а череп человека без нижней челюсти оказывался в верхних слоях заполнения повторного вкопа;

5) прослеживаемая в ходе раскопок усложненная конструкция могильных ям (ступеньки-заплечики вдоль боковых стенок на разной глубине), как правильно отметил А. В. Комар, объясняется „не конструктивными особенностями погребального сооружения, а тем, что нетайловские погребения в большинстве представляют собой двойной археологический комплекс: собственно погребальную яму и яму ритуального вкопа“¹⁷;

б) цель проникновения в захоронения (обезвреживание, осквернение, ограбление) на данный момент однозначно определить не представляется возможным, так как в некоторых случаях в погребениях оставались достаточно престижные и дорогие вещи, тогда как в других случаях – погребальный инвентарь, на момент наших исследований, отсутствовал полностью. Осложняет решение данного вопроса и отсутствие в большинстве захоронений могильника костных останков людей.

Дальнейшие исследования Нетайловского могильника, а также разработка его внутренней хронологии, как нам представляется, позволит решить главный вопрос, а именно: в какие из исследованных захоронений проникали с целью совершения обряда обезвреживания покойника, а в какие – с целью осквернения и ограбления.

¹ Флёрв, В. С. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар. – В: Проблеми на прабългарската история и култура. С., 1989, 179–180.

² Там же, с. 177.

³ Иченская, О. В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника. – В: Древности Среднего Поднепровья. К., 1981, 83–86.

⁴ Там же, 92–93.

⁵ Березовец, Д. Т. Салтівська культура. – В: Археологія Української РСР. Т. 3. К., 1975, с. 427, 429; Иченская, О. В. Указ. соч., 92 – 93.

⁶ Крыганов, А. В. Нетайловский могильник. – В: Археологічні дослідження на Україні 1992 року. К., 1993, 93–94; Раскопки в Харьковской области Нетайловского и Пескирадьковского могильников салтовской культуры. – В: Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993, 54–56; Крыганов, А. В., Чернигова, Н. В. Новое исследование Нетайловского могильника салтовской культуры. – В: Вестник Харьковского государственного университета, 1993, № 374, 35–42; Комар, А. В. К вопросу о процедуре обряда „обезвреживания покойников“ в Нетайловском могильнике. – В: Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья. Материалы научной конференции. Воронеж, 2008, 45–46; Аксенов, В. С. Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII–IX вв.). – РА, 2006, № 2, 51–63; Аксенов, В. С., Хоружая, М. В. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002–2004 гг.). – В: Хазарский альманах. Т. 4. Киев – Харьков, 2005, 199–215; Аксёнов, В. С. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Метайловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник). – В: Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 7. Донецк, 2009, 231–258.

⁷ Крыганов, А. В., Чернигова, Н. В. Указ. соч., с. 39.

⁸ Жиронкина, О. Ю., Цитковская, Ю. И. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника. – В: Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996, с. 356.

⁹ Жиронкина, О. Ю., Крыганов, А. В., Цитковская, Ю. И. О погребениях Нетайловского могильника со следами повторного проникновения (по раскопкам 1994 г.). – В: Древности 1995. Харьков, 1995, 178–179; Жиронкина, О. Ю., Цитковская, Ю. И. Указ. соч., с. 356.

¹⁰ Жиронкина, О. Ю., Крыганов, А. В., Цитковская, Ю. И. Указ. соч., с. 179.

¹¹ Жиронкина, О. Ю., Цитковская, Ю. И. Несколько интерпретационных стереотипов в свете стратиграфических и иных наблюдений на Нетайловском могильнике. – В: Древности 2004. Харьков, 2004, с. 214.

¹² Аксенов, В. С. Указ. соч., 51–63.

¹³ Там же, 59–60.

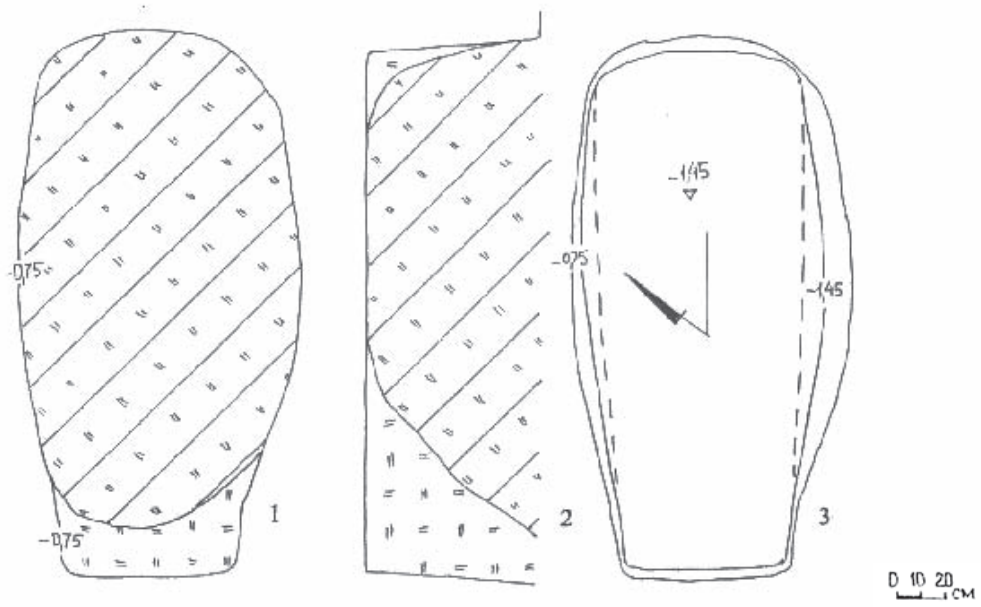
¹⁴ Там же, с. 60.

¹⁵ Комар, А. В. Указ. соч., с. 46.

¹⁶ Иченская, О. В. Указ. соч., с. 80.

¹⁷ Комар, А. В. Указ. соч., с. 46.

погр. № 481

погр. № 506

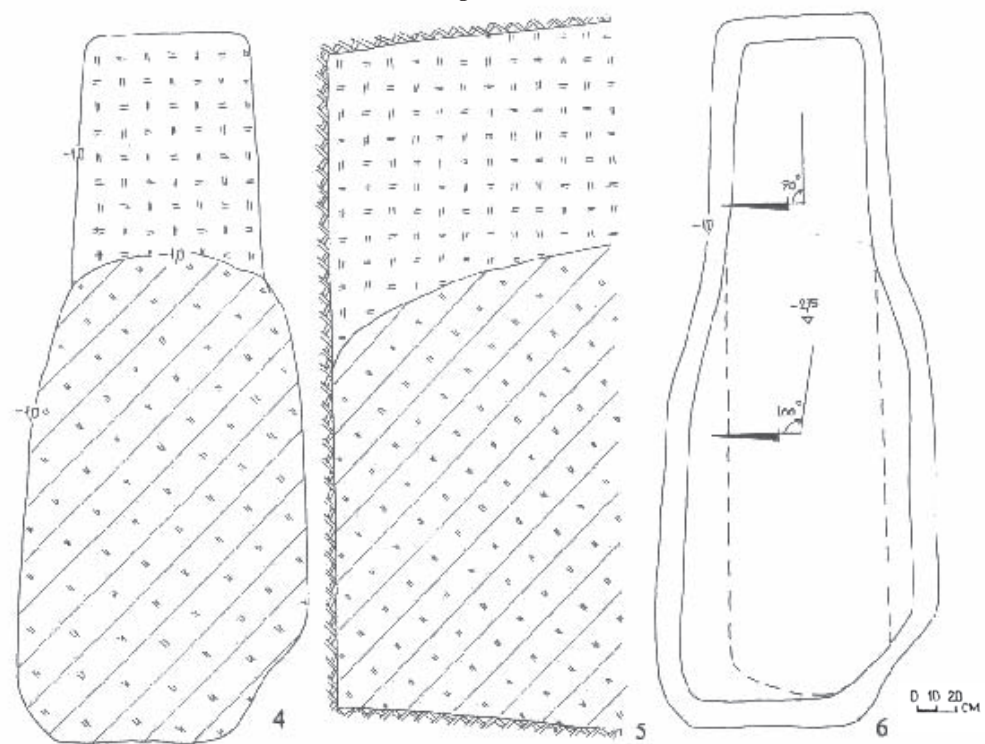
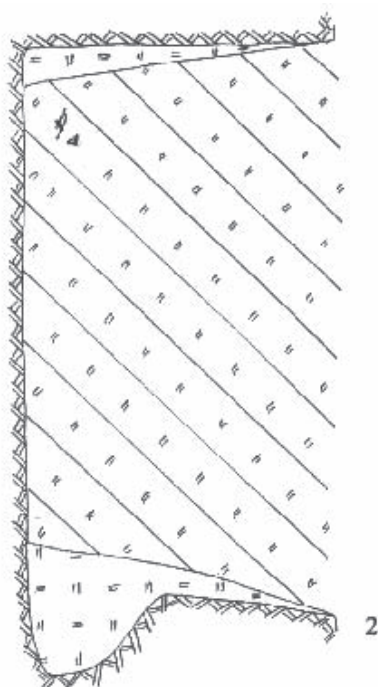
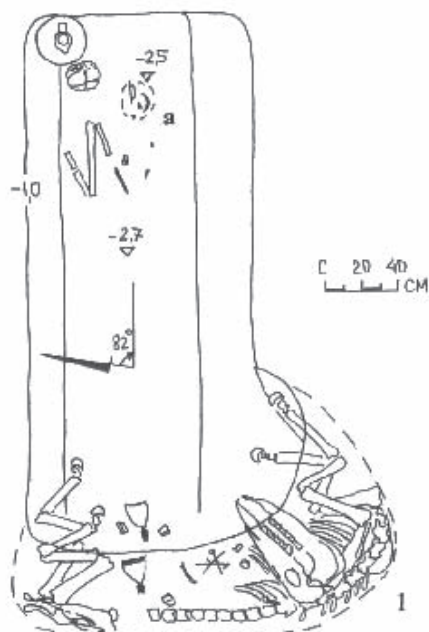

Рис. 1

погр. № 435

погр. № 438

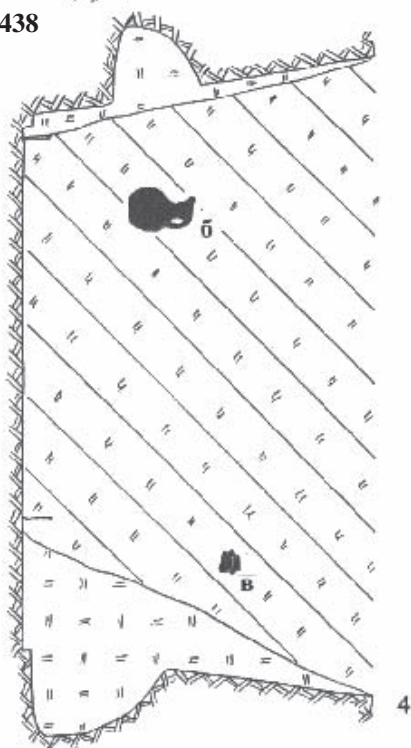
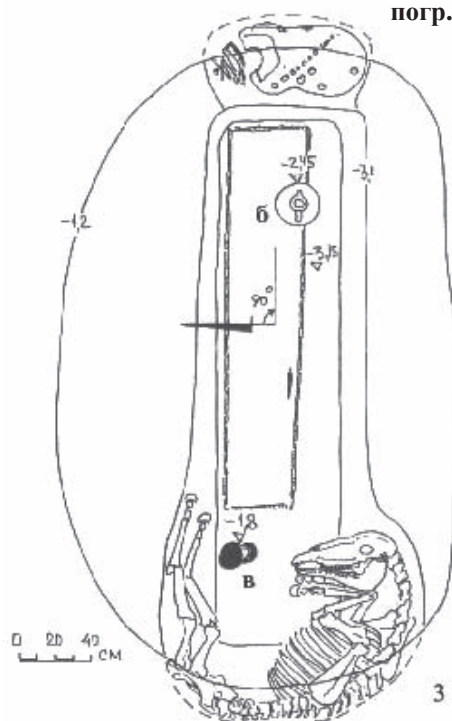
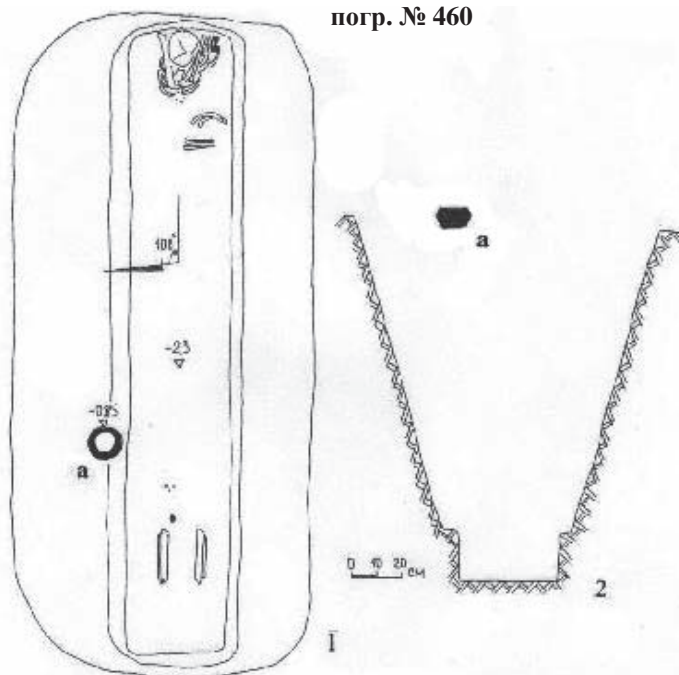

Рис. 2

погр. № 460

погр. № 474

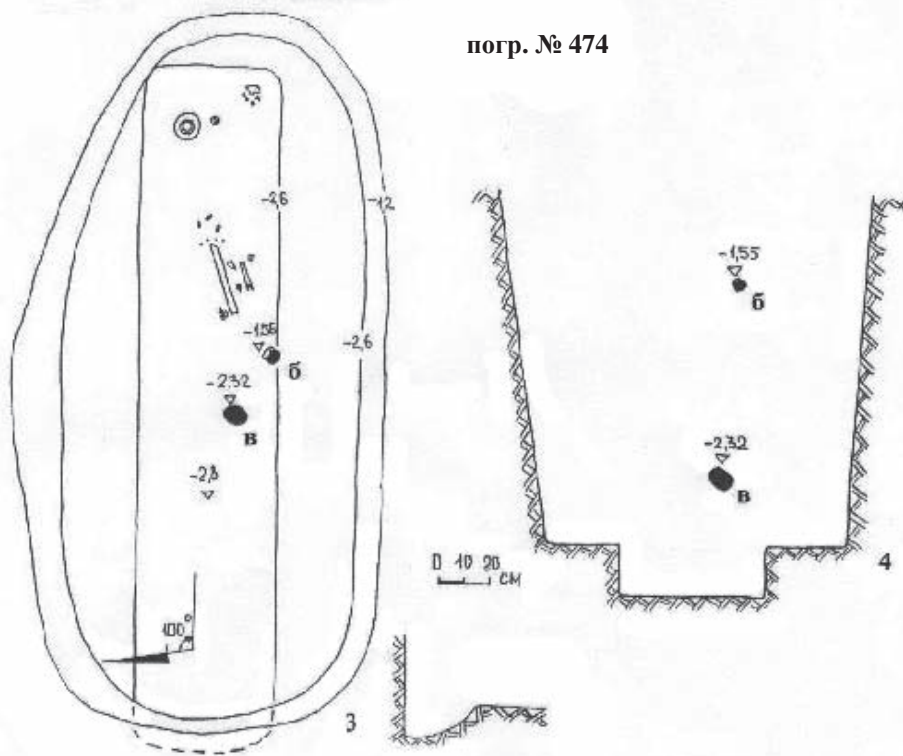
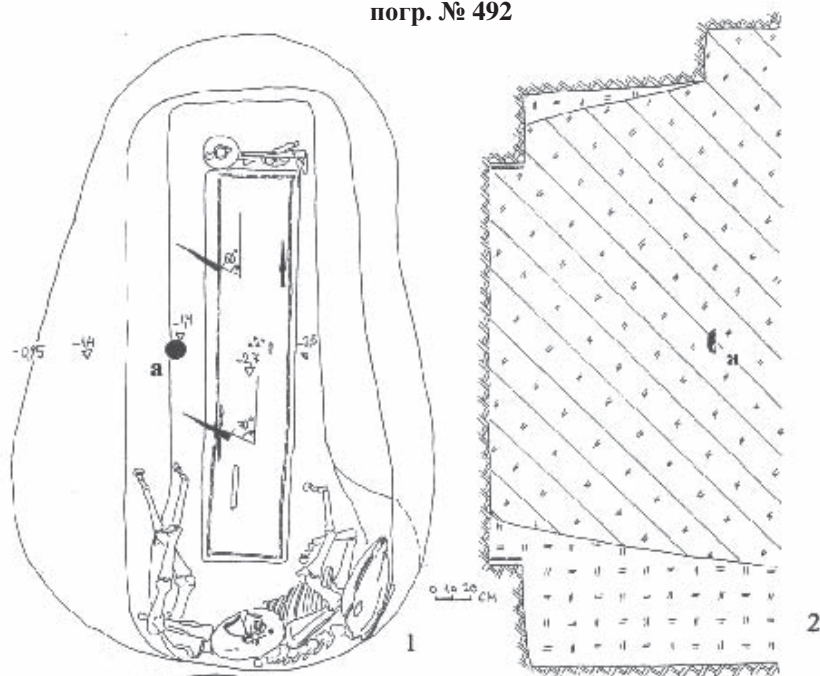

Рис. 3

погр. № 492

погр. № 482

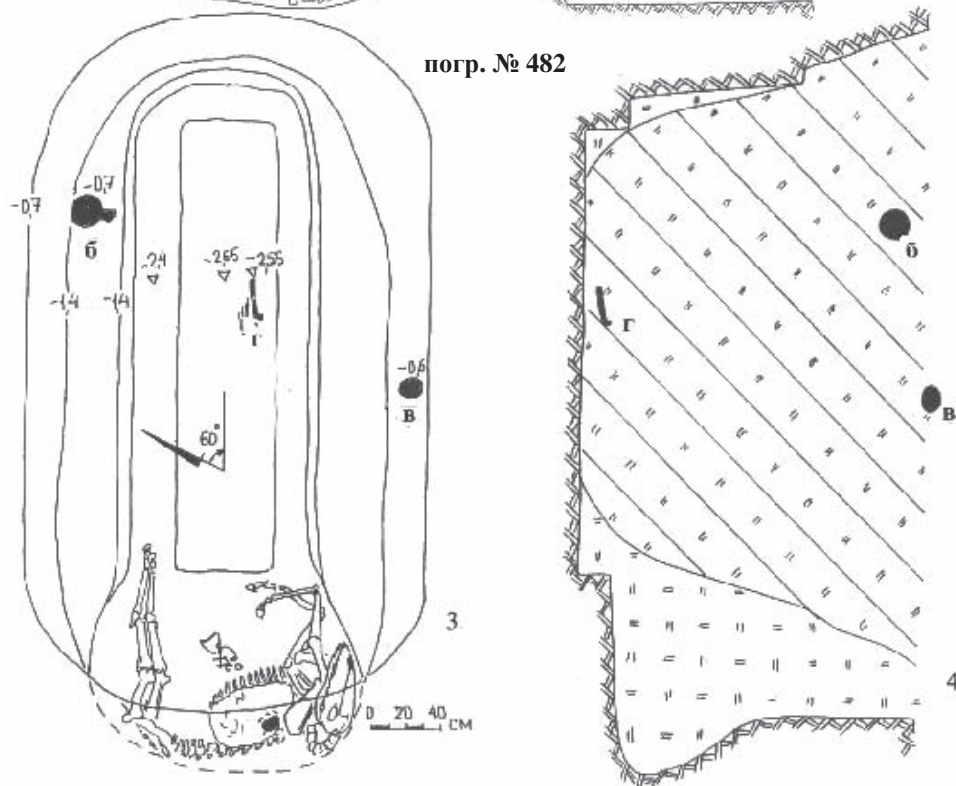
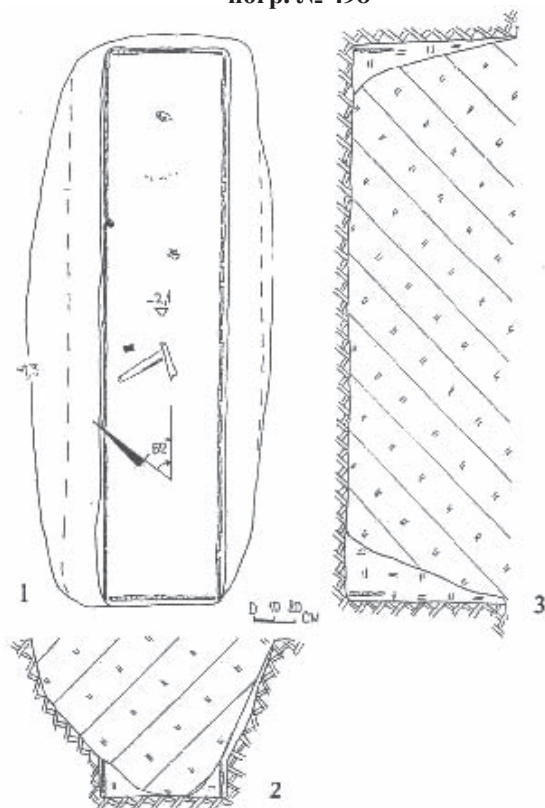

Рис. 4

погр. № 498

погр. № 504

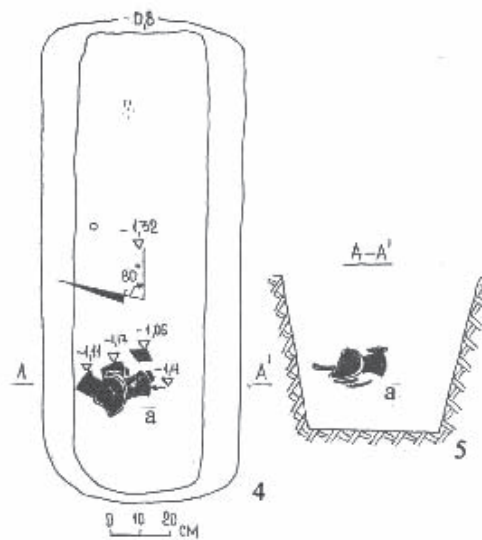

Рис. 5

порт. № 500

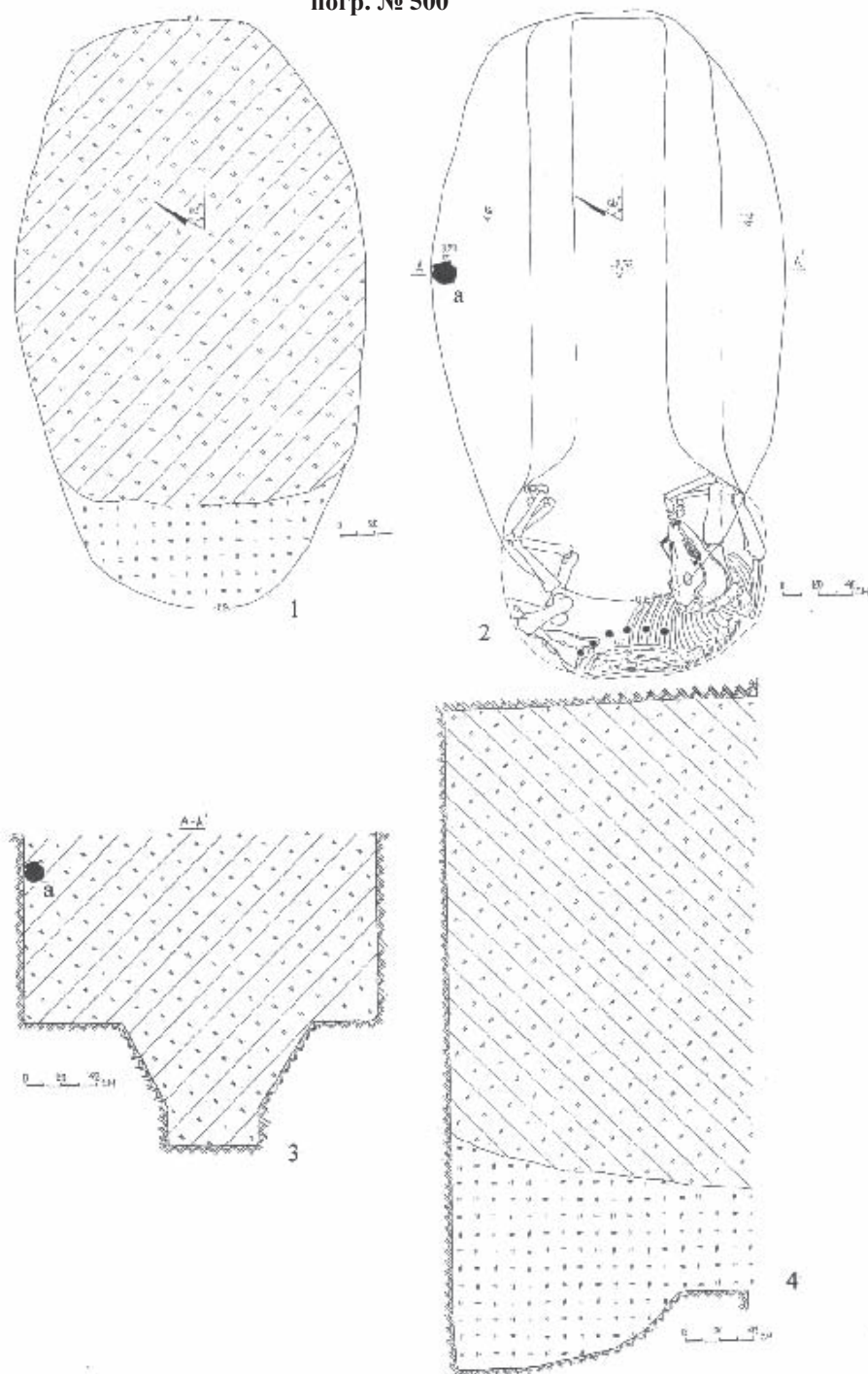

Рис. 6